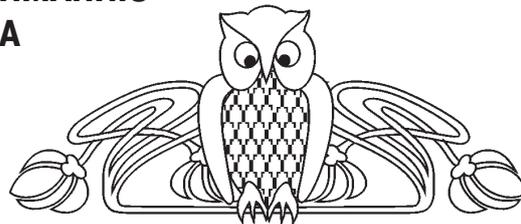

УДК 316.66

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Негруль Виктория Владимировна – преподаватель кафедры социологии, Институт истории и государственного управления, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова
E-mail: vika-n@yandex.ru

В последние десятилетия в работах российских философов всё чаще делаются ссылки на психологию, которая в своих экспериментах якобы подтверждает установки субъективистской эпистемологии, хотя сами психологи не претендовали и не претендуют на повышение статуса психологии восприятия до уровня эпистемологии. Возрождение субъективизма, психологизма, релятивизма и скептицизма в облики телесного подхода осознанно или неосознанно, но неизбежно ведёт к агностицизму и, соответственно, к полному отказу от поиска истины. Автор статьи утверждает, что эпистемология не сводится к психологии восприятия и в связи с этим так называемый «телесный подход в когнитивной науке» не может претендовать на гносеологический статус.

Ключевые слова: эпистемология, принципы и экономическое поведение, рациональность, дискурс, intersubjectность.

Под эпистемологией обычно понимают философское учение о познании, в котором анализируются сущность, принципы, предпосылки и эволюция познания. «Будучи философской дисциплиной, эпистемология, – подчеркивает П. К. Мозер, – является наукой (а) о природе знаний и, в особенности, их обоснования; наукой об определении их компонентов, (в) существенных условиях и источниках знаний, (с) о границах знаний» [1, с. 4]. Ключевой проблемой эпистемологии является вопрос об истинности научной теории, о ее отношении к действительности. В настоящее время получает распространение термин «эпистемология», прежде всего, в англоязычных странах для обозначения частной эпистемологии – науки натуралистической, социальной, компьютерной, экономической [2, с. 172].

Широкое распространение эпистемологии отражает процесс совершенствования теории познания, необходимость научной рефлексии в области критического анализа традиционных методов (формально-логических, диалектических, математических) и оценки эффективности новых – объективистских и субъективистских. Все это актуализировано необходимостью поиска реального предмета теории познания и объекта философского учения о познании. Об актуальности этой проблемы свидетельствует разворачивающийся в философской (и не только) литературе

дискурс по поводу гуманистической и научной целесообразности смены классической эпистемологии неклассической постмодернистскими парадигмами, предполагающими признание многомерного образа реальности, неустранимой множественности описаний и «точек зрения» отношений дополнительности и взаимодействий между ними [3, с. 128].

Данному вопросу посвящены философско-методологические исследования И. Т. Касавина, Л. А. Маркова, Ю. С. Моркина, Н. М. Смирнова. Высказываются различные мнения по поводу актуальности методологических парадигм – от полного отрицания классической эпистемологии и замены ее неклассической постмодернистской до совершенного непринятия последней. От выбора методологической исходной позиции зависит степень адекватности социально-философского исследования не только теоретическим, но и практическим потребностям совершенствования общественной деятельности.

Исходя из актуальности проблемы, целью данной статьи является анализ основных тенденций социально-философских теорий социального познания, в том числе и экономической эпистемологии.

В течение веков в европейской культуре явно или неявно господствовала и продолжает сохранять влияние субъектно-объектная гносеология, создателями которой являются Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант. Она воздействовала не только на различные философские, научные, вообще теоретические построения, но и на многообразные методики обучения и образования, на педагогику в целом, а также на искусство. Именно оппозиция субъекта и объекта в ее разнообразных вариантах олицетворяла рациональность, являлась базовой для систематической гносеологии, основанием ее «научности». Все, что выходило за пределы этой оппозиции или относилось к сфере досубъектно-объектного различия, рассматривалось как иррациональное, выпадающее из предметного поля теории познания, вообще из рациональной философии [4, с. 21].

В классической гносеологии социально-экономическая действительность определяется объективной, противостоящей сознанию исследователя, что непременно предполагает существование единственно верной трактовки генезиса устройства и функционирования экономической системы, поскольку элемент субъективности изначально исключен из объекта исследования. Именно в этом и проявляется фундаментализм классической гносеологии: реальность устроена единственно верным способом и именно таким, каким авторы ее себе представляют в доктринальных конструкциях, а не каким-либо иным, и поэтому как естественно-научное, так и социально-историческое понимание безальтернативны (не толерантны) и безусловны (аксиоматичны) [5].

Приверженцы классической гносеологии в своих исследованиях основываются на методологической установке, противопоставляющей субъект и объект познания: социально-экономическая реальность не строится на повседневности intersubъектных коммуникаций, а существует независимо от воли и сознания субъектов, которые лишь открывают при помощи разума или исторического опыта объективно действующие взаимоотношения людей. В результате такого гносеологического подхода сам процесс познания экономической системы, включая и экономическое поведение, оказывается односторонним, поскольку субъект познавательной активности может полностью охватить своим сознанием социальную реальность.

Субъект познания был представлен в классических гносеологических исследованиях одновременно и как индивидуальный эмпирический, осуществлявший «живое» созерцание, непосредственное чувственное познание-отражение, и как «сознание вообще», т.е. предельно абстрактный субъект, лишенный каких бы то ни было индивидуальных чувственных либо конкретно-исторических характеристик.

Классическая гегелевская парадигма по своим исходным принципам, утверждая высокую активность развивающегося духа в его абсолютности и всеобщности, основывалась на предельной абстракции субъекта, сведении сущности индивида к духу – сознанию и самосознанию. К. Маркс, отказавшись от понимания сознания как неизменной естественной способности человека, видел задачу исследования познания в осмыслении социально-исторического процесса развития познавательного опыта человечества. Тем не менее следует подчеркнуть, что введение традиционной теорией познания субъектно-объектного мира в философию и научное познание

явилось в свое время высокопродуктивным приемом абстрагирования, рационалистического идеального представления познавательной деятельности и самого знания.

В разработку современных эпистемологических проблем включились многие философы и представители конкретных наук в области общей эпистемологии – В. А. Лекторский, И. П. Меркулов, Е. Н. Князева, Б. И. Пружинин, М. А. Розов; в социальной эпистемологии – И. Т. Касавин, В. А. Колпаков, М. Фуко; в экономической теории познания – М. Блауг, П. Мировски, Л. Боланд, О. И. Ананьин, П. А. Отмахов, В. С. Автономов.

Интерес к осмыслению эпистемологии объясняется, в первую очередь, противоречивой ситуацией, сложившейся в современной науке и философии: «С одной стороны, для них характерен глубокий кризис, с другой – не менее впечатляющий подъем и развитие» [6, с. 238]. По мнению В. Лекторского, особенности классической эпистемологии характеризовались такими фундаментальными принципами познания, как критицизм, когда эпистемология выступала, прежде всего, как критика принятых систем знания с точки зрения определенного идеала, фундаментализм и нормативизм, что предполагало требование обоснования идеала знания и утверждение определенных типов знания в качестве нормы (должного), субъектоцентризм – признание самого факта существования субъекта в качестве несомненного базиса процесса познания [7].

В XX в. начала складываться неклассическая эпистемология, что было связано с новым пониманием познания и знания, сдвигами в современной науке и культуре в целом. Основными чертами нового понимания эпистемологии, как подчеркивает В. Лекторский, являются: 1) отказ от абсолютистского критицизма, что означает наряду с критикой принятие определенных познавательных традиций, доверие к результатам деятельности других, без чего невозможны коллективная научная деятельность и продвижение по пути к истинному знанию; 2) отказ от фундаментализма, обнаружение изменчивости познавательных норм; 3) отказ от субъектоцентризма: субъект теперь рассматривается как продукт коммуникаций, межсубъектной деятельности в процессе универсального научного и повседневного дискурса; 4) признание наряду с научными другими форм и типов знания. Таким образом, неклассическая эпистемология выдвинулась на роль нового способа понимания реальности и человека [7].

Последние тридцать лет новые подходы к теории познания разрабатывает и социальная эпистемология, концентрированным ядром

которой остается принцип социальной обусловленности познания общественных процессов. Социальная эпистемология увязывает процесс познания с человеческой деятельностью и поведением, с такими источниками познания, как дискурс и интерсубъектность, с новым подходом к определению фундаментальной пары понятий гносеологии «субъект–объект», в которой подлинным субъектом является «мыслительный коллектив» [8].

В XX в. учет новых социокультурных и ценностных факторов познания требовал пересмотра фундаментальных положений, дополнения их постмодернистскими концепциями, включая в центр внимания философов культурологические аспекты познания и методологии наук о культуре (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей). Было замечено, что многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала, разятие которых разрушает целостность и истинность, системность знания [4, с. 24–29].

В постмодернистской эпистемологии произошло смещение акцента с познания субъектно-субъектных отношений к не менее фундаментальному субъектно-объектному отношению в социальном взаимодействии. В этом подходе воплощается идея целостности человека, повышения его субъектности в политике, экономической жизни. Стремление выразить назревшую потребность в новом подходе проявилось в отказе от употребления самих терминов «теория познания» и «гносеология». Все чаще их стали заменять термином «эпистемология», особенно после критики К. Поппера и отождествления им классической теории познания Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта с «философией веры», которой противопоставлена современная эпистемология – гносеология научного познания роли человека в современной повседневной жизни. Этим как бы подчеркивалось, что познание далеко не всегда имеет исключительно функцию отражения, но, скорее, представляет собой творчески-созидательные, гипотетико-проблемные способы освоения социальной реальности, основанные на продуктивном воображении, интерсубъективных соглашениях, социокультурных предпосылках, индивидуальном и коллективном жизненном опыте.

Обширные исследования, в первую очередь зарубежных эволюционных эпистемологов К. Лоренца, Д. Кэмпбела, Г. Фоллмера и др., а также отечественных ученых в этой области показывают, что человек имеет биопсихосоциальную природу и должен рассматриваться в этом триедином измерении. Поэтому вся жизне-

деятельность человека представляет объект познания одновременно и природного, и духовного мира. Из этого следует, что модели эволюции и самоорганизации сложных систем необходимо применять и к познавательной деятельности человека, рассматриваемой в рамках коэволюции. Тем самым предметное поле неклассической теории познания (эпистемологии) расширяется. Она становится социально-исторически и гуманитарно ориентированным синтетическим знанием, преодолевающим «голый теоретизм», ограниченную автономность познания с ее внутренними законами, не имеющими отношения к реальной познавательной деятельности. В постмодернистском направлении идет поиск реального предметного поля познания и объекта философского учения о познании.

В общем и целом постмодернистская эпистемология предполагает переоценку фундаментализма, признание многомерного образа реальности. Преодоление тотального господства одной (любое) доктрины – это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания в XXI в. [3, с. 128].

Многих отечественных философов теперь привлекает в постмодернистской эпистемологии познавательный потенциал интерактивной деятельности широкого круга людей по углублению и согласованию представлений о социальной реальности. Как отметил П. М. Петровский, «Философия постмодернизма сформировала систему методологических установок, которые ориентируют на разностороннее, глубинное и неисчерпаемое познание социума и человека как сложной ценностной конструкции. Познавательный и ценностный аспекты этой философии дополняются раскрытием деятельностных, коммуникативных и творческих возможностей каждого человека» [9, с. 228].

В основе формирования современной экономической эпистемологии «лежало переосмысление логики развития экономической мысли сквозь призму постпозитивистских концепций Т. Куна, особенно И. Лакатоша». В этом русле принципиально важной была признана концепция Н. Картрайт о характере знаний, сформулированных в экономических теориях. Ввиду невозможности измерения основных факторов и сопутствующих им условий в общественных процессах, а, следовательно, и выявления причинно-следственных связей Н. Картрайт утверждает, что «цель научного поиска не универсальные закономерности на уровне явлений, а раскрытие природы вещей – поиск сил и свойств, которыми они обладают, а также условий и спо-

собов, благодаря которым эти свойства могут быть использованы для получения ожидаемых эффектов» [10, с. 276].

Основным вопросом (предметом) экономической эпистемологии является уяснение степени соответствия мысленных конструкций социально-экономической реальности, т.е. речь идет, собственно, об истинности экономической теории. Этот вопрос актуален особенно для этой науки как непосредственно обслуживающей потребности экономики. Здесь можно обнаружить три основные позиции: 1) полное отрицание соответствия научной теории экономической практике; 2) релятивизм; 3) убежденность в том, что истина все-таки достижима, если продолжать и далее совершенствование методологии экономической эпистемологии и экономической науки.

Одна из идей, заслуживающих глубокой разработки, это – создание «эпистемологических фильтров» на пути заблуждений, роль которых призвано играть научное уточнение и однозначное применение терминологии и методологии экономической науки как инструмента научного описания экономической реальности. Постмодернистская эпистемология оказала неоднозначное влияние на методологию общественных наук. Если универсалисты классического направления убеждены в том, что основной целью научного исследования является познание законов функционирования и развития объективной реальности, а сама наука представляет собой процесс накопления знаний, углубляющих и расширяющих наше видение мира, то приверженцы постмодернистского релятивизма отрицают саму возможность достижения такой цели в силу не только изменчивости самого объекта, но и неустранимой ограниченности, специфичности нового понимания субъекта познания [11, с. 416]. Субъект как бы растворяется в перманентном универсальном дискурсе, посткоммуникативном процессе интересубъектности, и сам этот процесс становится неотъемлемой частью реальности, которая является для индивидуального субъекта такой же объективной, как и материальная.

Новая парадигма, представленная в этом утверждении, акцентирует внимание исследователя на открытии возможностей экономики для удовлетворения потребности личности как самоцели и главного средства общечеловеческого развития. Экономическая теория в этом направлении прошла путь от «экономики» – науки о домашнем хозяйстве в Древней Греции и в эпоху Средневековья, когда она носила преимущественно нормативный, иррациональный характер, навязывая и обосновывая должное поведение хозяйствующему субъекту, через этап «политической

экономии», в которой центром внимания исследователей являлось не производство, а сфера обращения и капиталистическое богатство, к парадигме современной экономической теории, которая получила в англоязычной литературе название – «экономике» [12, с. 128–129].

В теориях, объединяемых этим термином и развиваемых А. Маршаллом, Дж. М. Кейнсом, М. Р. Фридманом, получили признание идеи свободной конкуренции, «государства всеобщего благоденствия», пытающиеся примирить в экономическом поведении рационализм и прагматизм.

В конце XX в. большую популярность приобретает институционально-социологическое направление в экономике (Т. Веблен, У. К. Митчел, Дж. К. Гэлбрейт): объектом исследования, по их мнению, должна стать не абстракция в форме «экономического человека», а реально действующий в системе реальных социальных институтов субъект экономического поведения личности. Понять поведение личности в обществе в целом и в экономической сфере жизнедеятельности в частности можно, только расширив рамки междисциплинарного анализа путем вовлечения в экономические исследования социологов, политологов, психологов, философов.

Не отказываясь от эпистемологической установки, что теория хотя и не исчерпывающе, но все же способна дать реальное представление о социуме, Н. Картрайт считает модели социального объекта не способными тестировать регулярность, поэтому многие экономисты полагают теории эвристически полезными, но искусственными конструкциями, не имеющими к реальности прямого отношения: таковы «аналоговые экономики» Р. Лукаса, «правдоподобные миры» Р. Сагдена, «притчи» А. Рубинштейна [13, с. 2]. Такого же мнения придерживается и один из наиболее известных авторов второй институциональной волны Д. Норт, утверждая, что неклассическая теория оказалась неспособна объяснить процесса экономических изменений: для этого требуются фундаментальная перестройка нашего образа мысли, уяснение новых принципов эпистемологии [13, с. 7].

Д. Норт вскрыл главный недостаток институциональной парадигмы экономической теории – игнорирование интересубъектного характера экономического поведения, в котором реализуется не только воля индивидуального субъекта, но и совокупный опыт прошлых поколений, воплотившийся в менталитете институциональной структуры общества, сформировавший устойчивую среду культурных норм, символов, убеждений, стереотипов мышления и восприятия

реальности, которые играют детерминирующую роль в определении выбора рациональных действий по удовлетворению тех потребностей, которые сложились в данной общности.

Как показал анализ институциональных подходов, они страдают общим недостатком – переоценкой детерминирующей роли социальной среды в определении поведения экономических агентов. Но это затрудняло возможность научного объяснения разнообразия их стратегий и тактик в однородных ситуациях.

Современная эпистемология обнаруживает новые возможности для расширения научного поиска адекватных реальности моделей экономического поведения в концепциях интересубъектного формирования знаний, убеждений и норм социального взаимодействия в процессе равнотематического универсального дискурса.

Поскольку социально-институциональный подход содержит лишь предельно общую картину влияния на экономическое поведение социально-культурных и ценностных факторов, он нуждается в дополнении когнитивным подходом Э. Кларка, который дистанцировался от индивидуалистической концепции познания и принятия решений, отдавая предпочтение интересубъективистскому источнику опыта – взаимодействующим субъектам [14, с. 35].

Эволюционируя от классической экономической теории о поведении в сфере хозяйства, неклассическая эпистемология распространяет концепцию рационального выбора на все сферы жизнедеятельности человека, поскольку всегда и везде он среди возможных альтернатив выбирает ту, что, по его мнению, максимально удовлетворяет потребности, учитывая ограничения окружающей среды, свои личные возможности и предпочтения. При этом понятие рациональности складывается под влиянием многочисленных факторов, осознаваемых индивидом под влиянием личного и социально-исторического опыта в рамках конкретного типа культуры.

В связи с этим «неправомерным является стремление (в концепции “экономического империализма”) рассматривать мотивы экономического поведения как универсалии, определяющие поведение индивидов в любой сфере деятельности. Это создает иллюзию однородности общества на уровне ментальности» [15, с. 63].

В действительности, с позиций социальной эпистемологии экономическая рациональность не сводится к расчетам непосредственной выгоды. Представляя соотношение цели и средств ее достижения, понимание рациональности, максимизации выгоды является многоплановым, отображая разное соотношение в рациональном

поведении индивидов оценок личной и общественной значимости, ближайших и перспективных целей, допустимости использования тех или иных средств для достижения цели, влияние специфических черт менталитета различных социальных общностей.

Включение в процесс формирования экономического поведения ценностно-когнитивно ориентированных субъектов означает вступление экономической рациональности в новый этап своего развития: расширяется круг экономических агентов, считающих в ряде ситуаций более рациональным сотрудничество, чем конкуренцию, компромисс, чем борьбу, направленную на устранение оппонентов, коллективные соглашения, чем индивидуальные решения [16, с. 248].

Таким образом, неклассическая эпистемология расширяет представления экономистов о разнообразии направлений в производстве знаний и их применения для анализа практических изменений в экономике и повседневной жизни, утверждая принципы равнотематического научного дискурса, взаимодополнительности различных методологий, взаимопроникновения субъекта и объекта в социальном познании, принципы социально-институциональной обусловленности поведения личности наряду с признанием многомерного образа социальной реальности как продукта интересубъектной коммуникации и, следовательно, многопланового характера социально-экономической рациональности – основного мотива поведения человека.

Список литературы

1. The Oxford handbook of epistemology / ed. P. K. Moser. Oxford, 2002. 320 с.
2. Меркулов И. П. Как возможна рациональная эпистемология // Философские науки. 2004. Вып. 10. С. 172–187.
3. Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования : учеб. пособие. СПб., 2004. 128 с.
4. Микешина Л. А. Философия науки : современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М., 2005. 464 с.
5. Гносеологические установки «классической научной рациональности» в учениях естественно-правовой и исторической школ права. URL: http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/7096.html (дата обращения: 17.04.2014).
6. Розин В. М. Современные проблемы эпистемологии (по следам чтения книги «Эпистемология : перспективы развития») // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 238–245.
7. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.

8. Социальная эпистемология : идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М., 2010. 712 с.
9. Петровський П. М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: зб. наук. пр. Луганськ, 2011. Вип. 14. С. 216–228.
10. Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines // *The Economic world view. Studies in the ontology of economics*. Cambridge, 2001. P. 175–293.
11. Ананьин О. И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук. М., 2006. С. 353–436.
12. Нуреев Г. Р. Предпосылки новой экономической парадигмы // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 121–144.
13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. 256 с.
14. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М., 2013. 50 с.
15. Любченко В. С. Экономическое поведение : методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 60–64.
16. Сорос Дж. Кризис глобального капитализма / пер. с англ. Р. Ткачук, А. Фролкин. Киев, 1999. 259 с.
4. Mikeskina L. A. *Filosofiya nauki: sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: ucheb. posobie* (Science philosophy: Modern epistemologiya. Scientific knowledge in dynamics of culture. Methodology of scientific research: manual.) Moscow, 2005. 464 p.
5. *Gnoseologicheskie ustanovki «klassicheskoy nauchnoy ratsionalnosti» v ucheniyakh estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkoly prava* (Gnoseological installations of «classical scientific rationality» in doctrines of natural and legal and historical schools of the right). Available at: http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/7096.html (accessed 17 April 2014).
6. Rozin V. M. *Sovremennyye problemy epistemologii (po sledam chteniya knigi «Epistemologiya: perspektivy razvitiya»)*. (Modern problems of an epistemologiya (in the wake of reading the book «Epistemologiya: development prospects»)). *Epistemologiya i filosofiya nauki* (Epistemology and Philosophy of Science), 2012, vol. XXXI, no. 1, pp. 238–245.
7. Lektorskiy V. A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* (Epistemologiya classical and nonclassical). Moscow, 2001. 256 p.
8. *Sotsialnaya epistemologiya: idei, metody, programmy* (Social epistemologiya: ideas, methods, programs). Ed by I. T. Kasavin. Moscow, 2010. 712 p.
9. Petrovskiy P. M. *Tsennost gumanitarnoy metodologii postmodernizma dlya demokratcheskogo upravleniya* (The value of humanitarian methodology of a postmodernism for democratic management). *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh statey* (Philosophical researches: collection of scientific articles). Lugansk, 2011, iss. 14, pp. 216–228.
10. Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines. *The Economic world view. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge, 2001, pp. 175–293.
11. Ananin O. I. *Filosofiya i metodologiya ekonomicheskoy nauki* (Filosofiya and methodology of economic science). Moscow, 2006. 53 p.
12. Nureev G. R. *Predposylki novoy ekonomicheskoy paradigmy* (Of the prerequisite of a new economic paradigm). *Voprosy ekonomiki* (Voprosy Ekonomiki), 1993, no. 4, p. 121–144.
13. Nort D. *Ponimanie protsessy ekonomicheskikh izmeneniy* (Understanding of process of economic changes). Moscow, 2010. 256 p.
14. Ananin O. I. *Ontologicheskie predposylki ekonomicheskikh teory* (Ontologic prerequisites of economic theories). Moscow, 2013. 50 p.
15. Lyubchenko V. S. *Ekonomicheskoe povedenie: metodologiya sotsiologicheskogo issledovaniya* (Economic behavior: methodology of sociological research). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2007, no. 2, pp. 60–64.
16. Soros G. *The Crisis of Global Capitalism*. New York, 1998. 245 p. (Russ. ed.: Soros G. *Krizis globalnogo kapitalizma*. Per. s angl. R. Tkachuk, A. Frolkin. Kiev, 1999. 259 p.).

Epistemological Approaches to Understanding of Economic Behavior of the Person

V. V. Negrul

Dnestr State University of T. G. Shevchenko
110 B, Gorky str., Tiraspol, 3300, Moldova
E-mail: vika-n@yandex.ru

During the last decades the works of Russian philosophers increasingly make references to psychology that allegedly confirms positions of the subjectivist epistemology in its experiments. But psychologists themselves don't pretend to rising of the status of the psychology of perception to the level of epistemology. Revival of subjectivism, psychologism, relativism and skepticism in the guise of corporal approach, consciously or unconsciously, but inevitably leads to agnosticism and, accordingly, to the complete abandonment of the search for truth. The author argues that epistemology can't be confined to the psychology of perception, and, in this connection, the so-called «corporal approach in cognitive science» cannot apply for a gnoseological status.

Key words: epistemologiya, principles and economic behavior, rationality, discourse, intersubjektivnost.

References

1. The Oxford Handbook of Epistemology. Ed. by P. K. Moser. Oxford, 2002. 320 p.
2. Merkulov I. P. *Kak vozmozhna ratsionalnaya epistemologiya. Filosofskie nauki* (As the rational epistemologiya is possible. Russian Journal of Philosophical sciences), 2004, iss. 10, pp. 172–187.
3. Chestnov I. L. *Metodologiya i metodika yuridicheskogo issledovaniya: ucheb. posobie* (Methodology and technique of legal research: Manual). St.-Petersburg, 2004. 128 p.